

Тодна снай цѣна:

по ГОДЪ 3 рубля,
по полгода 2 рубля,
по 3 мѣсяца 1 рубль,
по 1 мѣсяцъ 40 коп.

Редакція (Москва, Тверской, 48)
открывается ежедн. врочь праздн.
отъ 3 до 5 ч. — Год. 5-46-12.
Печат. рукоп. обратно не разобр.

ЗАРЯ

ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Цѣна обѣлженій:

за строоку шифрован. —
впереди тѣхъ 10 р. 20 к.,
послѣ тѣхъ . — 60 к.

Книгора Аурелио:
Москва, Тверской, 48.
Безъф. 52-65 и 76-77.

ИЗЪ ВСТРѢЧЪ СЪ А. П. ЧЕХОВЫМЪ.

Воспоминанія Сергія Глаголі.

Сы. А. П. мы были товарищи по университету, постоянно встречались, но за все четыре года (я поступил в Московский университет на второй курс) не сказали друг другу ни一句а словес, выходящих за пределы чисто дельных сношений, которых возникли, такие, как я был одинок, а она — старостой на курсе.

и вспомнил, когда я был у него гостем, мы с ним встретились по разным писательским делам в литературных журналах, и встречи эти становились кругом из другу хоть и много было тепла, да и упаковка на них не только скромно-нибудь сближалась, но также и побеждала друга в другом по душам. Самому Чехову это казалось странною, и когда он взялся за нему по какому-то делу, она первую обратила ко мне, а добродушно спросила:

— Нослушайте! Почему это мы съ вами такъ живемъ? Была ли сущности у меня съ вами го разе бывшее общага чѣмъ съ посѣтками друзей, считающими пени своихъ пріятелей? Почему вы никогда не заходите? Что мешаетъ намъ сблизиться?

Я подумала: ну и что, но зато я не могу удержаться от улыбки и отставить

— Н знаю, отчего это такъ выходитъ, но одну причину, жкъ кажется, все-таки угадаю.

— Когда съ вами разговариваешь, вы решеннѣе не подаете. А я очень этого не люблю. Мне сейчасъ не известно, что я говорю ни на чёму, и скажу,

— Да вазъ и рапликъ не
пойдя?

что о чём-нибудь пругомъ. Ну, я и умоляю, и разговоръ не клещи.

Чехоть усъхнулъ.

— А нѣдѣль, пожалуй, мы вѣрно эту черточку подмѣтили... Но разве это такъ мѣшаетъ, разговору?

— Кому какъ, но мнъ нѣшасть...

Я признаю этот разговор потому, что,

А. П. Чехов из библиотеки Музея Маркса

А. П. Чекалов и М. Гомзий, 2005 год

А. П. Чеховъ въ Гаспру въ 1901 г.
Янъ Чеховъ говорилъ, что было
на умъ. Это была инициа посыпъ-
ция истерия осеннея, мѣсяцами
изъ восемь по смерти Чехова.

Въ Москвѣ покончилъ самоубийствомъ студентъ, сына кого-то изъ друзей Чехова, и онъ телеграфировалъ мнѣ, проси сбратъ сидѣлъ, устроилъ, что можно, и зѣхать на утро за нимъ, такъ какъ онъѣхалъ съмъ въ Москву.

Я сдѣланъ все, что требовалось, зашелъ за Чеховыемъ, и мы поѣхали въ часенію арбатскаго полицейскаго дома, гдѣ лежалъ трупъ самоубийцы.

Погода была опереттальная. Синева промозглых осенни, на улицах лежали киселевые разные грязи, а в подъездах висела сырьера мгла, отъ которой моментально становились мокрыми все пальто. Мы спешитълись подъ верхъ изношенной пролетки, но и тамъ было не лучше. шагалъ шагалъ скверно. Лице было блѣднѣе; онъ задумчиво сидѣть, ротъже драгоценного осеннаго пальто-шарфа, его макарычъ.

Чувствуете себя, Антонъ Павловичъ и сму вопросъ.

и сказать и сказать вопросы, я не
управить сказать, плохо. Мы видим
все альбомы, и на них скрывают другую
чеченью. Чувствую, что сдвигать
альбомы, проходить во все порты моего
города меня, быть не останавливаюсь,
один час, каждую минуту, каж-
дую... Всего существует она также меня.
Останется только один рулетик,
кинуть по неподражанию. И сказать
все, что могу. Сказать миф боль-
шой и смешно, что от меня все еще
ничего...

помиловать; затем усмехнулся
и said:

и я, листе, похоже на вареного
бретонца. Какой-то шутник дав-
я нечё все, что только можно было
попытка аккуратно сложить скор-
станий на тарелки, а вуаля! ду-
рань еще сонсыль белый и чо
отлично. Можно, конечно, и

но-моему, она подчеркиваетъ въ характерѣ Чехова одну чертожну, по которой соперничаніе не только между большинствомъ здешнихъ деревень

Все они убъдены, что Чехова былъ открытою пушкою, что онъ былъ съ ними душа нараспашку. Я не думаю, что тутъ никонка не было. Много разъ по разнымъ доказываютъ я встрѣчалъ съ Чеховымъ и послѣ его съчинения, различныя

описанного разговора засыпал его и из разговора вышли съ другими, и члены императорской оставались тѣмъ же. Никогдя и Меховъ не раскрывался передъ себѣдѣлникомъ, и я думалъ, что очень немногимъ действительно знали его и понимали. Очень немногимъ раскрылся онъ тайники своей пушки, и Гиршовичъ, пожадно бывшіе поглощено много интерес-